

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 94(47).026

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-2-365-374

Обзорная статья

Легендарные «Мономаховы дары» как одна из форм визуализации верховной власти и их отражение в отечественной публицистике первой половины XVI века

Соломин В.А. , Кулабухов В.С.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: 1200751@bsu.edu.ru; kulabuhov@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу использования мифов и легенд для легитимизации государственной власти. Использование формулы «*translatio imperii*» позволяло Ивану IV решить как ряд внешнеполитических вопросов, так и обосновать свой царский статус. В связи с вышеуказанными факторами он и его соратники используют набравшую популярность в данный период легенду о «Мономаховых дарах». Описаны отражённые в отечественной публицистике обстоятельства передачи даров из Византии в Киевскую Русь, а также состав коронационных регалий. Дана характеристика инсигний и вероятные их обстоятельства попадания в Россию. Был проведён анализ их символического значения как царских регалий и их значимости для верховной власти.

Ключевые слова: регалии, Иван Грозный, легенда, Мономаховы дары, власть, коронация

Для цитирования: Соломин В.А., Кулабухов В.С. 2024. Легендарные «Мономаховы дары» как одна из форм визуализации верховной власти и их отражение в отечественной публицистике первой половины XVI века. *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 365–374. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-365-374

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Legendary "Gifts of Monomach" as One of the Forms of Visualization of the Supreme Power and Their Reflection in Domestic Publishing of the First Half of the XVI Century

Vladimir A. Solomin , Vladimir S. Kulabuhov

Belgorod State National Research University,

85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: 1200751@bsu.edu.ru; kulabuhov@bsu.edu.ru

Abstract. The article is devoted to the use of myths and legends to legitimize state power. The foreign policy circumstances in which Russia found itself at the beginning of the reign of Ivan the Terrible are assessed. It is revealed how the use of the formula "*translatio imperii*" allowed Ivan IV to solve both a number of foreign policy issues and justify his royal status. To implement it, he and his associates use the legend of the "Monomakh

Gifts", which was gaining popularity during this period. The main points of this legend are indicated. The circumstances of the transfer of gifts from Byzantium to Kievan Rus, reflected in Russian publishing, as well as the composition of the coronation regalia, are described. The characteristics of the insignia and their probable circumstances of entry into Russia are given. An analysis of their symbolic significance as royal regalia and their significance for the supreme power was carried out. Against the background of the analysis of regalia, their image was formed as state-forming symbols.

Keywords: regalia, Ivan the Terrible, legend, Monomakh's gifts, power, coronation

For citation: Solomin V.A., Kulabukhov V.S. 2024. The Legendary "Gifts of Monomach" as One of the Forms of Visualization of the Supreme Power and Their Reflection in Domestic Publishing of the First Half of the XVI Century. *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 365–374 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-365-374

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

XVI век ознаменован формированием политической теории Российского государства. Одним из трудов, внёсших значительный вклад в развитие официальной теории государственной власти, было «Сказание о князьях Владимирских». Вышеупомянутое произведение представляло из себя литературно-публицистический памятник XVI века, использовавшийся российскими великими князьями и царями в политической борьбе [Дмитриева, 1987, с. 370].

За основу данного труда были взяты две легенды: о происхождении династии Рюриковичей от семьи первого римского императора Августа и передаче Владимиру Мономаху царских регалий из Византии, с помощью которых он венчался на царство [Зезина, 1990, с. 77]. Использование данных легенд при написании данного публицистического труда было необходимо для обоснования права на законность царского титула и преемственность царей по отношению к киевским князьям, что добавляло авторитет правящей династии. Наиболее значимой целью было формирование представления о значимости места России в Европе и сакральности власти, что стало идеологической основой для венчания Ивана IV как царя и внесения соответствующих изменений в обряд коронации [Бычкова, 2005, с. 660].

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются царские коронационные регалии времён правления Ивана IV и легенда об их происхождении.

Теоретико-методологическую основу исследования составили принципы историзма, всесторонности и объективности. Также из общенаучных методов были использованы анализ, синтез и исторический методы.

Среди специально-исторических методов в основе исследования лежит историко-генетический метод. Это связано с тем, что в ходе анализа отдельно взятых царских регалий были исследованы вопросы происхождения данных инсигний и формирования их символического значения для государственной власти.

Были также применены ретроспективный и историко-системный методы. Благодаря ним удалось изучить причины становления легенды о византийском происхождении царских регалий. Также отметим важность данных методов для выявления причин популярности данной легенды к XVI веку и внешнеполитических обстоятельств, при которых она стала актуальной для государственной власти.

Результаты и их обсуждение

Начало и середина XVI века ознаменованы укреплением положения России на международной арене, что потребовало переосмыслить идеологические основы публицистической мысли. Грядущее венчание на царство Ивана IV предоставило перед ним и его соратниками возможность придать ей широкий идеологический смысл.

Так, в противовес антирусским публицистическим трудам, Русское государство воспользовалось легендой о родовой связи Рюриковичей с древнеримскими императорами [Пашуто, 1982, с. 59]. Так, Август отправил своего родича Пруса в земли у реки Вислы, где он собирал дань с местных жителей. И из Пруссии Гостомysl пригласил князя Рюрика, который, по легенде, был потомком легендарного брата Августа [Сказание о князьях Владимирских, 2006, с. 281–282]. Данное удревление династии, прежде всего, было связано с конкуренцией с Великим княжеством Литовским, также пытавшимся выявить древние корни происхождения правящей династии. Помимо конкуренции с Литвой, миф о древнеримском происхождении династии Рюриковичей формировался после освобождения от Орды, и перед русскими монархами возникла необходимость чёткого места страны среди других европейских государств [Пашуто, 1982, с. 59].

Важным фактором при определении места России в Европе также являлось то, что Русское государство оставалось единственной православной державой в Европе, не подвластной Османской империи. Принятие статуса царя и означало не только повышение статуса правителя, но и определяло более высокое положение государства на мировой арене. Так Россия могла стать страной, имеющей статус «великого православного самодержавца», унаследованного от Византии [Самойлова, 2007, с. 11].

Вышеуказанные факторы были частью использования известных в Европе формул «*Roma aeterna*» и «*translatio imperii*». Их целью было утверждение древности правящего рода и установление претензий на преемственность преимущественно от Римской империи. Данные идеи были известны на Руси уже с XIII века, однако свою актуальность они получили в конце XV – середине XVI века на фоне патриотического подъёма после объединения страны и осознания своей роли после падения Константинополя [Пашуто, 1982, с. 58]. Таким образом, Иван Грозный, венчаясь на царство, не только мог от лица России заявить о себе как о наследнике Византии, но и переосмыслить историю государства как часть вселенской истории, что было позитивно воспринято духовенством [Самойлова, 2007, с. 11].

Идея о преемственности власти от римлян и византийцев нуждалась не только в идеологической теории, но и в переосмыслении форм визуализации власти. В связи с этим особое внимание при формировании идеологии в XVI веке европейские страны стали уделять коронации. В результате была сформулирована идея о значимости коронационных регалий – знаков государственной власти, представляющих из себя набор атрибутов: короны, скипетра, державы и так далее [Регалии, 2002, с. 243]. Традиционно они становились символами государственной власти и гарантами существования государственности [Бычкова, 2005, с. 663]. В результате выше указанных факторов регалии стали предметом, вокруг которого формировался государственный миф.

Согласно анализу доступных нам источников и литературы, важность регалий осознавали и в России. Ещё Иван III организовывал венчание на царство своего внука Дмитрия в 1498 году, используя шапку и бармы в качестве регалий [Карпов, 2015, с. 329]. Ивану Грозному для венчания на царство был необходим не только чин поставления, сравнимый с византийскими императорами, но и царские регалии, связанные своим происхождением с Византией [Пятницкий, 1896, с. 8].

Вышеуказанные факторы послужили причиной обращения к публицистическим текстам, в которых активно использовался миф о византийском происхождении царских регалий. Первым заметным автором, обосновывавшим связь царских регалий с Византийской империей в указанный период, был Спиридон-Савва, который одним из первых использовал в

публицистике миф о «Мономаховых дарах». Согласно нему, Константин Мономах отправил посольство в Киев во главе с митрополитом Неофитом. Он привёз царские регалии Владимиру Всеволодовичу, чтобы тот мог венчать себя на царство как Владимир Мономах, сформировав традицию венчания на царство [Послание Спиридона-Саввы, 1952, с. 135].

Похожая легенда была описана в «Сказании о князьях Владимирских». Согласно тексту произведения, «Мономаховы дары», они же российские царские регалии, были даром византийского императора Константина Мономаха своему внуку, Владимиру Всеволодовичу, совершившему поход на Фракию [Сказание о князьях Владимирских, 2006, с. 285]. «Степенная книга царского родословия», написанная уже в начале 60-х годов XVI века, также указывала, что Константин Мономах, зная о победах и мужестве Владимира Мономаха, послал к нему ряд даров, включая диадему, и отправил митрополита Неофита для проведения церемонии венчания на царство Владимира Всеволодовича [Карпов, 2015, с. 366–367].

Отметим, что вышеупомянутый сюжет с передачей Константином даров внуку является вымышленным. Митрополит Неофит от лица Константина Мономаха не мог передать его внуку венец, так как между смертью императора Константина и становлением Владимира великим князем прошло 59 лет [Лебедев, Николаев, 2010, с. 192]. Данная мистификация была создана в начале XVI века и была призвана усилить как связь с Византийской империей, так и усилить экспансионистские мотивы в мотивах Мономаха [Боровков, 2015, с. 206]. Таким образом, за основу истории происхождения о регалиях был взят миф о передаче Владимиру Мономаху даров от его бабушки, византийского императора, который также способствовал созданию традиции венчания российских монархов на царство.

Состав даров во всех выше представленных источниках был в общих чертах одинаковым. Среди указанных инсигний приводятся животворящий крест, царский венец, сердоликовая чаша (крабица), ожерелье и цепь из аравийского золота [Сказание о князьях Владимирских, 2006, с. 285]. Включение данного литературно-легендарного традиционного сюжета позволяло развить идеологическое утверждение о сакральности власти, переданной России от византийцев, тем самым также демонстрируя и преемственность верховной и духовной власти от ромеев [Пашуто, 1982, с. 58].

Исходя из доступной в источниках и исследованиях информации, крест был важным символом для императорской власти в Византии и использовался при коронации императоров. Также отметим, что византийцы их использовали в городских литийных службах с целью освящения земли, города или жителей, что указывает на высокое значение данного «дара» в глазах византийцев [Самойлова, 2007, с. 15].

Включение креста в список регалий имело важное символическое значение. Царский титул Ивана IV обозначал для молодого правителя не только возросшую ответственность за государство и народ, но и возможность объявить о неограниченности власти. Венчанием на царство Иван Грозный стремился не только унаследовать имперское наследие и изменить отношение людей к правителю, сделав свою фигуру священной [Самойлова, 2007, с. 15]. Если в Византии царь (базилевс) был титулом, обозначающий в первую очередь светскую власть, то в России данный титул имел сакральный характер, так как отсылал к религиозной традиции и приближал личность правителя к Богу [Живов, Успенский, 1987, с. 55–56].

Иван IV в воспроизведении византийских основ власти опирался на образ императора Константина Великого, равноапостольного святого, благодаря которому центр Римской империи был перенесён в Константинополь. Почитание Иваном Константина было не новым явлением в истории русской публицистической мысли. Так, ещё в середине XI века Иларион Киевский для прославления деятельности Владимира I и попытки добиться его канонизации утверждал о равноценности вклада Владимира и Константина в распространении веры [Кусков, 2003, с. 74]. Также отметим, что имя Константина неразрывно связано с его матерью царицей Еленой. Именно она обрела Истинный крест Христов и передала его Константину.

Для Константина данный крест символизировал победу над иноверцами и также служил инструментом устроения православного мира, в котором крест символизировал как христианство, так и земную власть [Самойлова, 2007, с. 15].

При этом важно отметить, что в славянской публицистической традиции не было конкретного обозначения креста Константина, и для славянских православных публицистов животворящий крест был ценен не только как материальная регалия, но в первую очередь как знак-реликвия. Согласно заключению М.Б. Плюхановой, животворящий крест был включён в легенду не только как символ христианства, но и как силы, устраивающей земной порядок [Плюханова, 1995, с. 111].

Включение креста в легенду о регалиях и увязывание его памяти с Константином символизировало претензии Ивана Грозного не только на сакрализацию власти, но и на звание защитника христианской веры. Образ животворящего креста для Ивана IV стал связан не только с коронацией, но и с его деятельностью на троне в целом. При нём стали чаще проводиться литийные службы и производиться прецессионные кресты из драгоценных металлов в качестве царских вкладов [Самойлова, 2007, с. 15]. Животворящий символ как символ имперской политики царя был продемонстрирован во время взятия Казани. Иван Грозный вошёл в город и в первую очередь утвердил на месте ханского дворца Крест животворящего древа. Так, крест должен был очистить «мрак безбожия» и задать почву для распространения христианства [Так называемая Царственная книга, 1906, с. 515].

Не менее важной регалией, якобы переданной Владимиру Мономаху, являлся царский венец. С ним связывают знаменитую шапку Мономаха. Она похожа на скуфью с более острой верхушкой и состоит из золотого венца, пластины которого соединяются в «яблоке», на котором установлен крест. Сама корона украшена драгоценными камнями, а в основе головного убора была добавлена соболиная опушка [Лебедев, Николаев, 2010, с. 194]. Отметим, что корона претерпевала ряд изменений на протяжении XV–XVI веков, когда стала использоваться для венчания на царство. Так, в XV–XVI веке на основу были добавлены соболиная опушка, драгоценные камни и непосредственно крест [Бандиленко, 2023, с. 111].

Согласно данным, полученных в ходе анализа источников и исследований, шапка Мономаха не была связана с Владимиром Мономахом и его связям с Византией. Одно из вероятных первых упоминаний шапки в древнерусских документах относится к XIV веку. Согласно духовной грамоте от 1339 года, Иван Калита завещал золотую шапку сыну Симеону [Духовная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты, 1950, с. 8].

Происхождение шапки является дискуссионной темой среди историков. Немецкий дипломат Сигизмунд фон Герберштейн вторил государственному мифу о царских регалиях и указывал, что шапку носил и украсил ещё Владимир Мономах [Герберштейн, 2008, с. 123]. Ряд историков предполагал, что шапка Мономаха была создана в России в промежутке между воцарением Василия II и началом правления Василия III. Подобно Корсунским воротам новгородского Софийского собора, шапка Мономаха, вероятнее всего, была собрана из некоторых более древних деталей, хранившихся в великокняжеской казне, и позже ей была придана мифологизированная связь с Византией [Богатырев, 2011, с. 189]. Одна из наиболее распространённых в научном сообществе теорий гласит о том, что основа короны была разработана не раньше XIII века и позднее обнаружена в Кафе, при этом византийское происхождение головного убора подвергалось сомнению [Боровков, 2015, с. 206]. Таким образом, Мономах и византийские императоры не имели отношения к созданию шапки Мономаха.

Данная царская регалия была одной из наиболее основополагающих символов царской власти. Зачастую её кратко описывают как символ русского самодержавия [Бандиленко, 2023, с. 110]. Нахождение государя в головном уборе не только символизировало сакральные черты его характера, но и обозначало его как родоначальника и указывало на власть сакрального княжеского рода. Символическое значение шапки также заключалось в том, что она передавала носителю родовую харизму, которая дополнительно усиливалась

обрядом посажения на стол, что наделяло правителя способностью регулировать миропорядок [Пузанов, 2011, с. 106–107].

Иван IV также учитывал опыт Ивана III, который совместил при венчании на царство своего внука обряды венчания шапкой и посажение на стол. При этом основной символизм заключался в том, что русский монарх сам распоряжается столом и «поставляет» преемника, используя для этого обряды из мнимой древнерусской традиции [Пузанов, 2011, с. 107]. Идея демонстрации суверенитета России и её государственной власти также была одной из наиболее значимых для молодого царя.

Одним из тесно связанных с шапкой инсигний были ожерелья. Отметим также, что под ожерельем наиболее вероятно понимались бармы, они же оплечья – драгоценные медальоны, которые нашивались на круглый воротник, так как автор сказания упоминал, что они носились на плечах [Лебедев, Николаев, 2010, с. 192]. Они представляли из себя украшение с драгоценными камнями и запонами. На бармах XIII века, найденных в Старой Рязани, изображены религиозные сюжеты, включая сюжет распятия Христа и лики святых в царской одежде и с крестом в руках [Бармы, 1891, с. 80].

Изначально они не были частью единого набора регалий с венцом, о чём свидетельствует тот факт, что Иван Калита завещал вышеуказанные регалии разным сыновьям [Духовная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты, 1950, с. 8]. Согласно свидетельствам западных источников, они попали на Русь через Каффу. Так, Сигизмунд фон Герберштейн утверждал, что она связана с именем Мономаха, отобравшим их у побеждённого генуэзца, бывшего начальником Каффы [Герберштейн, 2008, с. 123]. Схожей версии придерживались польские и шведские историки XVII–XVIII веков [Боровков, 2015, с. 206]. В свою очередь, на Руси о них как об оплечьях упоминают лишь в XIII веке, а термин «бармы» появляется в древнерусских источниках в первой половине XIV века во время правления Ивана Калиты [Игошев, 2002, с. 342].

Как способ визуализации власти бармы стали использоваться с конца XV века и надевались они во время торжественных выходов князей и во время венчания на царство [Комиссаржевский, 2005, с. 299]. Их назначение, как и символика барм как инсигнии, не известно историкам. В свою очередь, лор – византийский аналог барм – не был прописан как обязательный предмет коронационной одежды императоров, однако он имел более определённую символику. Так, указывалось, что лор символизировал победу Христа над смертью и нередко надевался во время пасхальных церемоний [Бутырский, 2016, с. 462].

Цепь, выкованная из арабского золота, остаётся наименее изученной регалией. Известно, что её возлагали на царя во время литургии уже после передачи монарху символов власти [Пятницкий, 1896, с. 8]. Наиболее вероятно, её крестообразно препоясывали на оба плеча, а сам ритуал возложения цепи символизировал неразлучность связи правителя и его подданных, а также их общее могущество [Цепь Мономахова, 1903, с. 336].

Отдельного упоминания заслуживает сердоликовая чаша, из которой испивал сам Август. В оригинальном тексте названия она именуется «крабицей» [Сказание о князьях Владимирских, 2006, с. 284]. Наиболее вероятно, речь шла не о чаше, а о коробке, однако конкретная форма изделия ввиду утраты оригинальной крабицы до венчания Ивана Грозного остаётся неизвестной. Хрустальная шкатулка-крабица была подарена Макарием в 1535 году, и с тех пор легендарная инсигния имела в первую очередь символический характер, нежели материальный [Сиренов, 2014, с. 63].

Согласно данным источников и исследования по указанной проблеме, она была в собственности князей как минимум с XIV века, и вплоть до конца XV века она не имела особого символического назначения и была объектом завещания или дара [Сиренов, 2014, с. 63]. Вес ей придало упоминание императора Августа. Так, она стала не только инсигнией с легендарным прошлым, но и делала более целостной картину «перехода империи», так как в ней соединялись древнеримская и византийская части мифического наследия, доставшегося Рюриковичам.

В церемониале сердоликовая крабица должна была использоваться для помазания на царство. Данная процедура была крайне важной частью коронации, так как именно она обеспечивала легитимизацию княжеской и царской власти [Ульянов, 2008, с. 133]. Прохождение данного таинства символизировало также и получение особых даров Святого Духа, необходимых для управления страной в соответствии с божественными предписаниями. Помазание царей миром символизировало Божественное призвание монархов на особое служение, так как Бог вверял им ответственность за подданных [Акишин, 2002, с. 444]. Оно должно было совершаться после возложения цепи на царя, и совершалось оно из крабицы, называемой «Августовой» в честь её легендарного владельца [Коронационный альбом, 1896, с. 8].

Заключение

Таким образом, сюжет о «Мономаховых дарах» был частью идеологической политики обоснования связи России с Римской и Византийской империями, чего требовали внешне-политическая ситуация и стремление Ивана IV обосновать свой царский титул. Уже сформированному набору монарших регалий было приписано легендарное прошлое с древнерусских времён, так как для венчания на царство необходимы были инсигнии греческого происхождения, а также обосновать связи Российского государства с римским и византийским наследием. Это стало катализатором для использования легенды о «Мономаховых дарах» в публицистике первой половины XVI века, где передачу даров обосновывали страхом и уважением перед мощью Древнерусского государства.

В свою очередь, данные регалии были не просто важными государственными символами, но также позволяли ему управлять государством со всей мудростью. Они символизировали харизму царя и сакральность его власти, закрепляли его единство с народом и провозглашали его защитником православной веры. Регалии не только демонстрировали полноту власти монарха, но и придавали ему сакральность и легитимность, так как они закрепляли концепцию о Божественном призвании царя.

Список литературы

- Акишин С.Ю. 2012. Миропомазание. В кн.: Большая российская энциклопедия. Т. 20, Москва, Большая российская энциклопедия, 444.
- Бандиленко М.М. 2023. Рюриковичи. История первой династии. Москва, АСТ, 256 с.
- Бармы. 1891. В кн.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 3. Санкт-Петербург, Типо-литография И.А. Ефрона: 80–81.
- Богатырев С.Н. 2011. Шапка Мономаха и шлем наследника: репрезентация власти и династическая политика при Василии III и Иване Грозном. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 1: 171–200.
- Боровков Д. 2015. Владимир Мономах, князь-мифотворец. Москва, Ломоносовъ, 245 с.
- Бутырский М.Н. 2016. Лор. В кн.: Православная энциклопедия. Т. 41. Москва, Православная энциклопедия: 462–463.
- Бычкова М.Е. 2005. Мотивы «Сказания о князьях Владимирских» в официальных документах середины XVI в. *Герменевтика древнерусской культуры*. 12: 660–674.
- Гербершейн С. 2008. Записки о Московии. Т. 1, М., Памятники исторической мысли, 776 с.
- Дмитриева Р.П. 1989. Сказание о князьях Владимирских. В кн.: Словарь книжников и книжности Древней Руси, Т. 2. Ч. 2., Ленинград, Наука: 370–371.
- Духовная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты. 1950. В кн.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. Москва, Издательство АН СССР: 7–11.
- Живов В.М., Успенский Б.А. 1987. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России. В кн.: Языки культуры и проблемы переводимости. Москва, Наука: 47–153.
- Зезина М.Р., Кошман Л.В., Шульгин В.С. 1990. История русской культуры. Москва, Высш. шк., 232 с.
- Игошев В.В. 2002. Бармы. В кн.: Православная энциклопедия. Т. 4. Москва, Православная энциклопедия, 342.
- Карпов А.Ю. 2015. Великий князь Владимир Мономах. Москва, Молодая гвардия, 390 с.

- Комиссаржевский Ф.Ф. 2005. История костюма. Москва, Астрель, АСТ, Люкс, 336 с.
- Коронационный альбом в память священного коронования Их Императорских Величеств. Санкт-Петербург, Издание С. Добродеева, 1896, 99 с.
- Кусков В.В. 2003. История древнерусской литературы: Учеб. для филол. спец. вузов. Москва, Высш. шк. 336 с.
- Лебедев В.А., Николев Н.Н. 2010. Сокровища и реликвии эпохи Романовых. Москва, Вече, 336 с.
- Пашуто В.Т. 1982. Возрождение Великороссии и судьбы восточных славян. В кн.: Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошевич А.Л. Киевская Русь и исторические судьбы восточных славян. Москва, Наука: 7–68.
- Послание Спиридона-Саввы. 1955. В кн.: Дмитриева Р.П. Сказание о князьях Владимирских. Москва, Ленинград, Издательство АН СССР: 159–166.
- Плюханова М.Б. 1995. Сюжеты и символы Московского царства. Санкт-Петербург, Акрополь, 336 с.
- Пузанов В.В. 2011. Княжеские инсигнии в средневековой Руси и «Батыево знамение». *Учёные записки Казанского университета*. Т. 153. 3: 102–111.
- Пятницкий П.П. 1896. Сказание о венчании Русских Царей и Императоров. Москва, Типо-литография О.И. Лашкевич и Ко., 108 с.
- Регалии. 2009. В кн.: Энциклопедия российской монархии. Великие князья. Цари. Императоры. Символика и регалии. Титулы. Под ред. В. Бутромеева. Екатеринбург, У-Фактория: 243–244.
- Самойлова Т.Е. 2007. Царская твердыня. «Вера, государь... и красота церковная». В кн.: Вера и власть. Эпоха Ивана Грозного. Москва, Музеи Московского Кремля, 11–33.
- Сиренов А.В. 2014. Сердоликовая крабица московских князей XIV–XVI вв. как царская инсигния. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2: 57–66.
- Сказание о князьях Владимирских. 2006. В кн.: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. Санкт-Петербург, Наука: 278–289.
- Так называемая Царственная книга. В кн.: Полное собрание русских летописей. Санкт-Петербург, Типография Н.Н. Скорохода, Т. 13, 409–532. 1906.
- Ульянов О.Г. 2008. О времени возникновения инаугурационного миропомазания в Византии, на Западе и в Древней Руси. В кн.: Русь и Византия: Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской научной сессии византистов. Москва, ИВИ РАН, 2008: 133–140.
- Цепь Мономахова. 1903. В кн.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 38. Санкт-Петербург, Типо-литография И.А. Ефрона, 336 с.

References

- Akishin S.Yu. 2012. Chrismation. In: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]. Т. 20, Moscow, Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya, 444 p.
- Bandilenko M.M. 2023. Ryurikovichi. Istoriya pervoy dinastii [Rurikids. History of the First Dynasty]. Moscow, AST, 256 p.
- Barmy. 1891. In: Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Т. 3. Saint Petersburg, Tipo-litografiya I.A. Efrona: 80–81.
- Bogatyrev S.N. 2011. Shapka Monomaha i shlem naslednika: reprezentatsiya vlasti i dinasticheskaya politika pri Vasiliy III i Ivane Groznom [Monomakh's Hat and Heir's Helmet: Representation of Power and Dynastic Politics under Vasily III and Ivan the Terrible]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 1: 171–200.
- Borovkov D. 2015. Vladimir-Monomakh, knyaz'-mifotvorets [Vladimir Monomakh, Prince-Mythmaker]. Moscow, Lomonosov", 245 p.
- Butyrskiy M.N. 2016. Lor. In: Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]. Т. 41. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya: 462–463.
- Bychkova M.E. 2005. Motivy «Skazaniya o knyaz'yah Vladimirskih» v oficial'nyh dokumentah serediny XVI v. [The Motives of the «Legend of the Princes of Vladimir» in Official Documents of the Middle of the XVI Century]. *Hermeneutics of ancient Russian culture*. 12: 660–674.
- Gerbersheyn S. 2008. Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovite Affairs]. Т. 1, Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli, 776 p.

- Dmitrieva R.P. 1989. Skazanie o knyaz'yah Vladimirskih [The Tale of the Princes of Vladimir]. In: Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi [Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Russia], T. 2. Ch. 2., Leningrad, Nauka: 370–371.
- Duhovnaya gramota velikogo knyazya Ivana Danilovicha Kality [The Spiritual Manuscript of Grand Duke Ivan Danilovich Kalita]. 1950. In: Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv. [Spiritual and Contractual Letters of the Great and Appanage Princes of the XIV–XVI Centuries]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR: 7–11.
- Zhivov V.M., Uspenskiy B.A. 1987. Car' i Bog. Semioticheskie aspekty sakralizatsii monarha v Rossii [The Tsar and the God. Semiotic Aspects of Russian Monarch's Sacralization]. In: Yazyki kul'tury i problemy perevodimosti [Languages of Culture and the Problem of Translation]. Moscow, Nauka: 47–153.
- Zeina M.R., Koshman L.V., Shul'gin V.S. 1990. Istoriya russkoy kul'tury [History of Russian Culture]. Moscow, Vyssh. shk., 232 p.
- Igoshev V.V. 2002. Barmy. In: Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]. T. 4. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya, 342 p.
- Karpov A.Yu. 2015. Velikiy knyaz' Vladimir Monomakh [The Great Prince Vladimir Monomakh]. Moscow, Molodaya gvardiya, 390 p.
- Komissarzhevskiy F.F. 2005. Istoriya kostyuma [History of Costume]. Moscow, Astrel', AST, Lyuks, 336 p.
- Koronatsionnyy al'bom v pamyat' svyashchennogo koronovaniya Ikh Imperatorskikh Velichestv [Coronational Album in Memory of the Holy Coronation of Their Imperial Majesty]. Saint Petersburg, Izdanie S. Dobrodeeva, 1896, 99 p.
- Kuskov V.V. 2003. Istoriya drevnerusskoy literatury: Ucheb. dlya filol. spets. vuzov [History of Old Russian Literature: Textbook for Philological Specialties of Universities]. Moscow, Vyssh. shk. 336 p.
- Lebedev V.A., Nikolev N.N. 2010. Sokrovishcha i relikvii epokhi Romanovykh [The Treasures and Relic of Romanovs' Age]. Moscow, Veche, 336 p.
- Pashuto V.T. 1982. Vozrozhdenie Velikorossii i sud'by vostochnykh slavyan [The Revival of Great Russia and the Fate of the Eastern Slavs]. In: Pashuto V.T., Florya B.N., Khoroshevich A.L. Kievskaya Rus' i istoricheskie sud'by vostochnykh slavyan [Kievan Rus' and Historical Fates of Eastern Slavs]. Moscow, Nauka: 7–68.
- Poslanie Spiridona-Savvy [Epistel of Spiridon-Savva]. 1955. In: Dmitrieva R.P. Skazanie o knyaz'yakh Vladimirskih [The Tale of the Princes of Vladimir]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR: 159–166.
- Plyukhanova M.B. 1995. Syuzhety i simvoly Moskovskogo tsarstva [The Plots and Symbols of Muscovite Tsardom]. Saint Petersburg., Akropol', 336 p.
- Puzanov V.V. 2011. Knyazheskie insignii v srednevekovoy Rusi i «Batyevoy znamenii» [Princely Insignia in Medieval Russia and the «Batu Sign»]. Scientific Notes of Kazan University. T. 153. 3: 102–111.
- Pyatnitskiy P.P. 1896. Skazanie o venchanii Russkikh Tsarey i Imperatorov [The Tale of Coronation of Russian Tsars and Emperors]. Moscow, Tipo-litografiya O.I. Lashkevich i Ko. 108 p.
- Regalii [Regalia]. 2009. In: Entsiklopediya rossiyskoy monarkhii. Velikie knyaz'ya. Tsari. Imperatory. Simvolika i regalii. Tituly [Encyclopedia of Russian Monarchy. Great Princes. Tsars. Emperors. Symbols and Regalia. Titles]. Pod red. V. Butromeeva. Ekaterinburg, U-Faktoriya: 243–244.
- Samoylova T.E. 2007. Carskaya tverdinya [The Royal Stronghold]. «Vera, gosudar'... i krasota tserkovnaya». In: Vera i vlast'. Epokha Ivana Groznogo [The Faith and the Power. The Age of Ivan the Terrible]. Moscow, Muzei Moskovskogo Kremlya: 11–33.
- Sirenov A.V. 2014. Serdolikovaya krabica moskovskikh knyazey XIV–XVI vv. kak carskaya insigniya [Carnelian Crab of the Moscow Princes of the XIV–XVI centuries Like a Royal Insignia. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2: 57–66.
- Skazanie o knyaz'yah Vladimirskih [The Tale of the Princes of Vladimir]. 2006. In: Biblioteka literatury Drevney Rusi [The Library of Old Russian Literature]. T. 9. Saint Petersburg, Nauka: 278–289.
- Tak nazyvaemaya Carstvennaya kniga [The so-called Royal Book]. In: Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete Collection of Russian Chronicles]. SPb., Tipografiya N.N. Skorokhoda, 1906. T. 13, 409–532.
- Ul'yanov O.G. 2008. O vremeni vozniknoveniya inauguratsionnogo miropomazaniya v Vizantii, na Zapade i v Drevney Rusi [About the Time of the Inauguration of the Anointing of the Cross in Byzantium, in the West and in Ancient Russia]. In: Rus' i Vizantiya: Mesto stran vizantiyskogo kruga vo vzaimootnosheniyakh Vostoka i Zapada. Tezisy dokladov XVIII Vserossiyskoy nauchnoy sessii

vizantinistov [Rus and Byzantium: The Place of the Byzantine Circle Countries in the Relations Between East and West. Abstracts of the XVIII All-Russian Scientific Session of the Byzantinists]. Moscow, IVI RAN, 2008: 133–140.
Сер' Мономахова [The Chain of Monomach]. 1903. In: Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona. [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Т. 38. Saint Petersburg., Типо-литографиya I.A. Efrona, 336.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 17.04.2024

Received 17.04.2024

Поступила после рецензирования 06.05.2024

Revised 06.05.2024

Принята к публикации 08.05.2024

Accepted 08.05.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Соломин Владимир Алексеевич, аспирант кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-5677-8853](https://orcid.org/0000-0002-5677-8853)

Vladimir. A. Solomin, PhD Student of the Department of Russian History and Records Science, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Кулабухов Владимир Семёнович, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-1548-4680](https://orcid.org/0000-0002-1548-4680)

Vladimir S. Kulabuhov, Candidate of Sciences in History, Docent of the Department of Russian History and Records Science, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia